

УДК 327.39 (47+57)

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ****RUSSIAN FOREIGN POLICY TRADITION: THE MAIN CHARACTERISTICS****П.И. Пашковский
P.I. Pashkovsky***Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, просп. академика Вернадского, 4**V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4 Vernadsky av., Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295007**E-mail: petr.pash@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрены особенности российской внешнеполитической традиции. Приведены подходы исследователей. Показано, что России свойственны характеристики империи. Территориальные размеры данной империи значительно превосходили любую из европейских стран. В российском внешнеполитическом дискурсе последних трёх сотен лет наблюдалось противоборство «западников» с приверженцами консервативно-патриотической традиции. Российская внешняя политика обычно реагировала на события, а не формировала их. Россия относительно поздно вышла на сцену европейской политики. К этому моменту Великобритания и Франция уже прошли этап консолидации. Внешняя политика России характеризуется наличием интеграционных императивов, обуславливающих стремление к «освоению» евразийского пространства. Периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) чередовались с дезинтеграцией (потери ранее приобретённых земель). Циклы интеграции и дезинтеграции в различных соотношениях взаимодействовали с модернизацией государства и общества. Присоединение земель происходило с помощью методов культурного воздействия и ставки на местные элиты. Для их последующего слияния с имперским центром применялись способы военно-политического, идеологического, демографического или социально-экономического воздействия. Интеграция осуществлялась как в условиях полупериферийного положения государства в западноцентричной мировой капиталистической системе, так и в рамках автаркического союза.

Resume. Some features of Russian foreign policy tradition have been considered in this paper. It some approaches of specialists have been offered, was shown that Russia has imperial characteristics. Territorial dimensions of the empire were incomparably greater than any of the European countries. There was a confrontation between the «Westerners» and supporters of the conservative-patriotic traditions in the Russian foreign discourse during the last three hundred years. Russian foreign policy had sought to respond to events, and not to form them. Russia later took to the stage of European politics. Great Britain and France had already passed the stage of consolidation at this time. Russian foreign policy was characterized by integration imperatives that contribute to the pursuit of the accession of lands within the Eurasian space. Periods of integration (attachment of land to the imperial center) alternated with disintegration (loss of previously acquired lands). The cycles of integration and disintegration in various ratios interacted with the modernization of the state society. Accession of lands is done through a cultural impact and bet on the local elite. For their subsequent merger with the imperial center used methods of military, political, ideological, demographic or socio-economic impact. The integration was carried out under the conditions of semi-peripheral position of the empire in the world capitalist system, and within the autarkic union.

Ключевые слова: внешнеполитическая традиция, Россия, особенности, интеграция, дезинтеграция.
Keywords: foreign policy tradition, Russia, features, integration, disintegration.

Современное увеличение международной напряженности, обострение конфликта России с Западом и последствия антироссийских санкций, стимулируют изучение перспектив и возможностей ее развития, ресурсного потенциала и факторов, воздействующих на этот процесс¹. В этом контексте исследование исторических особенностей внешней политики государств позволяет вывести определённые закономерности, периодически повторяющиеся и

¹ Пашковский П.И. Интеграционная активность России: проблемы периодизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Ч. III. С. 149-152; Пашковский П. И. Россия в международных системах: исторический опыт позиционирования // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 41-53; Пашковский П.И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 1 (13). С. 14-20.

обуславливающие специфику международных отношений в конкретных регионах. Подобное помогает с большей степенью объективности оценивать современное состояние международных процессов и прогнозировать их будущее развитие. Так, внешнеполитические устремления России всегда оказывали значительное влияние на ход истории евразийского пространства, во многом определяя его конфигурацию и характер взаимодействия социальных организмов, что актуализирует необходимость их комплексного изучения.

В разной степени ценными представляются попытки осмысления исторических основ и специфики российской внешней политики, предпринятые американскими учёными (З. Бжезинским, И. Валлерстайном, Р. Гартхоффом, Г. Киссинджером, П. Кеннеди, Э. Качинсом, А. Коэном, С. Коэном, Дж. Мэтлоком, Р. Пайпсом, Н. Соковым, Дж. Фридманом, Ф. Фукуямой, С. Хантингтоном); британскими экспертами (Н. Дэвисом, Д. Ливеном, Н. Фергюсоном, Дж. Хоскингом); российскими исследователями (Г. Арбатовым, А. Богатуровым, Е. Гайдаром, Е. Глушенко, А. Дугиным, Б. Кагарлицким, С. Кара-Мурзой, А. Панариным, С. Переслегиным, А. Салминым, А. Торкуновым, А. Уткиным, И. Фрояновым, В. Цымбурским, А. Шубиным, С. Юрченко, И. Яковенко). При этом, как в отечественной, так и в зарубежной историографии изучение особенностей внешнеполитической традиции России, её императивов и детерминант, имело преимущественно ситуативный характер, кроме того, часто искажаясь в результате политико-идеологической ангажированности. Целью настоящей статьи является выделение основных характеристик российской внешнеполитической традиции.

Подходы, впоследствии оказавшие влияние на формирование российской внешнеполитической традиции, по мнению ряда исследователей, проявляются уже во внешней политике русских княжеств в период IX – XIII вв., приобретая в XIV – XV вв. более четкие очертания¹. В дальнейшем становление внешнеполитической традиции Российского государства происходило под воздействием следующих факторов: экстремальные климатические условия; огромная пространственная протяжённость при низком уровне развития коммуникаций; наличие высоко централизованной царской власти; значительное влияние Православной церкви на внутреннюю и внешнюю политику государства; негативные издержки бюрократической системы; институт крепостничества. В то же время, как отмечают учёные, военная сила и автократическое правление во многом способствовали присоединению новых территорий и расширению государства².

Развивая данные утверждения, американский аналитик Г. Киссинджер отмечал: «На протяжении всей своей истории Россия всегда стояла особняком. Она поздно вышла на сцену европейской политики – к тому времени Франция и Великобритания давно прошли этап консолидации... Находясь на стыке трёх различных культурных сфер – европейской, азиатской и мусульманской, – Россия вбирала в себя население, принадлежавшее к каждой из этих сфер, и поэтому никогда не являлась национальным государством в европейском смысле. Постоянно меняя очертания по мере присоединения её правителями определённых территорий, Россия была империей несравнимой по масштабам ни с одной из европейских стран. Более того, после каждого очередного завоевания менялся характер государства, ибо оно вбирало в себя совершенно новую, беспокойную нерусскую этническую группу»³. Примечательным в этой связи представляется вывод американского исследователя А. Коэна, что с начала «своего формирования <...> российское имперское развитие было обусловлено силовой экспансией и недостатком властной отчётности во внутривластном устройстве»⁴.

Характерно, что в российском внешнеполитическом дискурсе последних трёх сотен лет наблюдалось противоборство «западников» с приверженцами консервативно-патриотической традиции. «Начиная с XVII столетия, - писали американские специалисты, - любые движения по открытию России Западу сопровождаются внутренней реакцией. <...> К XIX веку западникам, симпатизировавшим европейскому пути развития, противостояли славянофилы, которые осуждали зарубежных славян, апеллировали к наследию Русской Православной церкви, приветствовали политическую автаркию и воспринимали Запад как врага. Славянофильские принципы были упрощены и адаптированы русскими этническими националистами. Евразийцы призывали к созданию нового русского супер-этноса от Балтийского моря до Тихого океана, включая Центральную Азию, путём объединения славянских и тюркских народов. На протяжении 75 лет советской власти эти идеологические разногласия между западниками, империалистами евразийцами и этноцентристами, а также православными русофилами сохранялись во внешней политике России»⁵.

¹ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. Пер. с фр. М., 2008; Дугин А. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах. URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=818> (30.05.2016).

² Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York, 1987. P. 15-16.

³ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 16.

⁴ Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (30.05.2016).

⁵ Ibid.

Разрушение СССР и системная трансформация международных отношений в условиях краха биполярности предопределили содержание концептуальных основ внешней политики РФ. Вследствие изменения её геополитического статуса возникала проблема выработки новой идеологии, способствующей консолидации общества, которое в подобных условиях «естественным образом поляризуется (обычно на «консерваторов» и «новаторов», и представителей неопределённого... «третьего пути»)»¹. Как подчёркивают американские эксперты, в российском случае это проявилось в обострении «затяжных общественных дебатов» о «национальной самобытности внешней политики», а также в «классическом для интеллектуальной истории России» «сравнении друг против друга «Евразийского» и «Западнического» лагерей»².

В тысячелетней истории «освоения» Россией евразийского пространства отслеживаются периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) и дезинтеграции (потери ранее приобретённых земель). Наиболее комплексный и функциональный вариант хронологии периодов упадка и могущества российской государственности был представлен российским учёным А. Уткиным: «...Страна распадалась и исчезала в 1237, 1612, 1612, 1918 гг., она стояла на краю гибели в 1709, 1812, 1941 гг., но восстанавливалась в 1480, 1613, 1920, 1945 гг. И этот национальный код невозможно изменить, он не только живёт в массовом представлении, он составляет его сущность, являясь основой национальной психологической парадигмы»³. Характеризуя указанную периодизацию, специалисты акцентируют, что «очевидна цикличность развития пространства, где периоды стабильного развития и экспансии составляют: 1480-1605, 1613-1812, 1815-1918, 1920-1941, 1945-1991 гг., а ослабления и фрагментации: 1237-1480, 1605-1613, 1812-1815, 1918-1920, 1941-1945, 1991-2011 гг.»⁴.

Кроме того, российской внешнеполитической традиции свойственны определённые интеграционные императивы, детерминирующие стремление к освоению окружающего (евразийского) пространства путём присоединения земель (зачастую методами культурного воздействия и ставки на местные элиты) и их последующего слияния (способами военно-политического, идеологического, демографического или социально-экономического воздействия) с имперским центром⁵. Интеграция евразийского пространства под эгидой России осуществлялась как в условиях её полупериферийного положения в мировой капиталистической системе, так и в рамках автаркического союза. В первом случае сложности (вплоть до последующей дезинтеграции) возникали в связи с исключительно сырьевой специализацией, а, следовательно, зависимостью от потребителей и кризисом при падении цен на сырьё⁶. Пример автаркии проявлялся в жёстком контроле государства над интегрированным пространством, отсоединённым от центра финансово-экономической системы, и многостороннем его реформировании за счёт внутренних ресурсов, что позволяло ему выйти из полупериферийного положения, обеспечив экономическую и политическую независимость на период порядка 50 лет. После этого замкнутая система нуждалась в «открытии» для проведения масштабной модернизации. Примечательно, что в стадии дезинтеграции Россия находилась в положении полупериферии, а социальные организмы, образовавшиеся в результате распада империи, – периферии⁷.

Следующей важной особенностью представляется то, что периоды интеграции и дезинтеграции в различных соотношениях взаимодействовали с модернизацией государства и общества. Производной такого взаимодействия становилась корреляция интеграционных императивов внешней политики России, влиявших на ход истории пространства, в границах которого осуществлялась экспансия⁸. Анализ российского опыта взаимодействия процессов интеграции и модернизации позволяет утверждать, что интеграция, как присоединение территорий к имперскому центру, практически всегда опережала модернизацию, зачастую становящуюся её следствием. Иногда эти процессы протекали одновременно. Реже модернизация предшествовала интеграции. Показательно, что для начала эффективной модернизации в виде многостороннего реформирования, как правило, требовалось состояние относительной стабильности имперского центра, достигнутое после социально-экономического и военно-политического сращивания с ним интегрированных земель. Модернизация в условиях нестабильности и дезинтеграции представлялась немыслимой. А интеграция могла происходить даже в период социально-экономической слабости имперского центра, являясь предтечей дальнейшего реформирования или протекая параллельно с ним⁹.

¹ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М., 2001. С. 11-12.

² Craig Nation R., McFaul M. The United States and Russia into the 21st Century. Pennsylvania, 1997. P. 11.

³ Уткин А. И. Мир после сентября 2001 года. М., 2002. С. 138-139.

⁴ Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь, 2011. С. 23.

⁵ Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991 – 2011 гг.). Киев, 2012. С. 43.

⁶ Пашковский П. И. Россия в международных системах: исторический опыт позиционирования // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 48.

⁷ Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991 – 2011 гг.). С. 43.

⁸ Пашковский П. И. Интеграционная активность России: проблемы периодизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60), Ч. III. С. 149-152.

⁹ Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991 – 2011 гг.); Пашковский П. И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России. С. 14-20.

Ещё одну черту российской внешнеполитической традиции, характеризующуюся периодическими повторениями, определил старший научный сотрудник Монтерейского института международных отношений Н. Соков: «Внешняя политика России стремится реагировать на события, а не формировать их»¹. Эта тенденция исторически проявляется в несколько «запаздывающей», ситуативной реакции государства на возникающие внешние угрозы. В качестве новейшего примера проявления данной особенности приводится поздняя реакция РФ на решительные действия Латвии, Литвы и Эстонии по вступлению в НАТО.

Вместе с тем, очевидно, что исторические реалии позволяют относить Россию к империям, как к государствам, которым, согласно отечественному аналитику С. Переслегину, соответствуют следующие характеристики: наличие осознанной и отрефлектированной населением и элитами ассоциированности с одной из самостоятельных геополитических структур; существование одного или нескольких этносов, соотносящих себя с данным государством; хотя бы одним из этих этносов проявлена пассионарность в форме господствующей идеологии; такое государство занимает определённое место в мировой системе разделения труда; оно смогло сформировать собственную уникальную цивилизационную миссию, проявляющуюся в возможности охарактеризовать смысл своего существования².

Особое значение в этом контексте приобретает понимание исторических последствий распада империй. Показательным утверждением, отражающим ситуацию последствий дезинтеграции (как распада империй) в глобально-историческом контексте, представляется мысль крымского политолога С. Юрченко: «Распад империй порождает несколько видов напряжений для их наследников: первый из них связан с попытками сильных соседей присоединить осколки великой державы или установить над ними контроль; второй – с попытками бывшего имперского центра частично или полностью восстановить свои позиции; третий – с возможными противоречиями между вновь образовавшимися государствами»³. Каждое из обозначенных «напряжений» в той или иной степени проявлялось в ситуации конкуренции глобальных и региональных акторов и интеграционных процессах на постсоветском пространстве. При этом императивами российских внешнеполитических подходов в регионе во многом являлись указанные выше особенности.

Представленный перечень характеристик российской внешнеполитической традиции является далеко не полным, требуя расширения и комплексного исследования на основе глубинного анализа исторического опыта. В свою очередь, каждый из приведённых тезисов заслуживает отдельного изучения в целях доказательства частоты и специфики его проявления, а также соотношения с другими особенностями, учитывая влияние внутренних и внешних факторов.

Библиография

- Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. Пер. с фр. М.: Весь мир, 2008.
- Дугин А. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах. URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=818> (30.05.2016).
- Ирхин А.А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь: Рибэст, 2011.
- Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. М.: Ладомир, 1997.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Пашковский П.И. Интеграционная активность России: проблемы периодизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Ч. III. С. 149-152.
- Пашковский П.И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991 – 2011 гг.). Киев: Интерсервис, 2012.
- Пашковский П.И. Россия в международных системах: исторический опыт позиционирования // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 41-53.
- Пашковский П.И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 1 (13). С. 14-20.
- Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2007.
- Уткин А.И. Мир после сентября 2001 года. М.: Издатель А. В. Соловьёв, 2002.
- Юрченко С.В. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств // Чорноморська безпека. 2008. № 4 (10). URL: <http://nomos.com.ua/content/view/213/77/> (30.05.16).

¹ Sokov N. Russian Policy Towards the Baltics: What the West Can Expect and What It Could Do / With Additional Commentary by E.Wayne Merry. Washington D. C., 1999. P. 20.

² Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.; СПб., 2007. С. 31.

³ Юрченко С. В. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств // Чорноморська безпека. 2008. № 4 (10). URL: <http://nomos.com.ua/content/view/213/77/> (30.05.16).

Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (30.05.2016).

Craig Nation R., McFaul M. The United States and Russia into the 21st Century. Pennsylvania: Strategic Studies Institute, 1997.

Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987.

Sokov N. Russian Policy Towards the Baltics: What the West Can Expect and What It Could Do / With Additional Commentary by E.Wayne Merry. Washington D. C.: The Atlantic Council of the United States, 1999.

References

Brodel' F. Grammatika civilizacij. M.: Ves' mir, 2008.

Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (30.05.2016).

Craig Nation R., McFaul M. The United States and Russia into the 21st Century. Pennsylvania: Strategic Studies Institute, 1997.

Dugin A. Jevoljucija nacional'noj idei Rusi (Rossii) na raznyh istoricheskikh jetapah. URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=818> (30.05.2016).

Irhin A. A. Geopoliticheskie cikly Evrazii i nacional'nye interesy Ukrainy. Sevastopol': Ribjest, 2011.

Jurchenko S. V. Osnovnye tendencii razvitija sistemy mezhdunarodnyh odnoszenij i problema aktualizacii obshhestvennogo vozdejstvija na vneshnjuju politiku gosudarstv // Chornomors'ka bezpeka. 2008. № 4 (10). URL: <http://nomos.com.ua/content/view/213/77/> (30.05.2016).

Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987.

Kissinger H. Diplomacija. M.: Ladomir, 1997.

Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitika i politicheskaja geografija. M.: Aspekt Press, 2001.

Pashkovsky P. I. Integracionnaja aktivnost' Rossii: problemy periodizacii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 10 (60). Ch. III. Pp.149-152.

Pashkovsky P.I. Integracionnaja politika Rossii na postsovet'skom prostranstve (1991 – 2011 gg.). Kiev: Interservis, 2012.

Pashkovsky P.I. Rossija v mezhdunarodnyh sistemah: istoricheskij opyt pozicionirovanija // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 2016. № 1. Pp. 41-53.

Pashkovsky P. I. Cikly modernizacii i problemy nacional'noj bezopasnosti Rossii // Nacional'naja bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie. 2016. № 1 (13). Pp. 14-20.

Pereslegin S. Samouchitel' igry na mirovoj shahmatnoj doske. M.: AST; SPb.: Terra Fantastica, 2007.

Sokov N. Russian Policy Towards the Baltics: What the West Can Expect and What It Could Do / With Additional

Commentary by E.Wayne Merry. Washington D. C.: The Atlantic Council of the United States, 1999.

Utkin A. I. Mir posle sentjabrja 2001 goda. M.: Izdatel' A. V. Solov'jov, 2002.